

Якименко 1984 — Якименко Т. С. Песни-баллады в женской традиции Белорусского Севера: Дисс. ... к. иск. Минск, 1984.

AM — Aukštaičių melodijos / parengė L. Burksaitienė, D. Kristopaitė. Vilnius, 1990.

Balys 1935 — *Balys J.* Nuo žirgo kritęs bernelis // Tautosakos darbai. Kaunas, 1935. T. 1. P. 142—178.

Bartok 1959 — Slovenske ludove piesne / zapisal a hudobne zatriedil B. Bartok. Bratislava, 1959. Zv. 1—2.

BIŠLB 1941 — Šimtas liaudies baladžių / parengė J. Balys. Kaunas, 1941.

Czernik 1958 — Polska epika ludowa / opracował St. Czernik. Wrocław; Kraków, 1958.

Horak 1956 — Slovenske ludove balady / Balady zozbieral a studiu napisał J. Horak. Bratislava, 1956.

JLD — Lietuviškos dainos, užrašytos par Antaną Juškevičę apigardoje Pušalačiu ir Velunos iš žodžių lietuvių dainininku ir dainininkiu. Kazanė, 1880—1882. T. 1—3.

Jokimaitienė 1968 — *Jokimaitienė P.* Lietuvių liaudies baladės // Literatūra ir kalba. Vilnius, 1968. T. IX: Dainuojamosios tautosakos klausimai. P. 297—353.

KDLD 1924 — Dainavos krašto liaudies dainos. Prof. V. Krėvės-Mickevičius surinktos. Kaunas, 1924.

LLD III 1985 — Karinės-istorinės dainos / parengė P. Jokimaitienė / Lietuvių liaudies dainynas. Vilnius, 1985. T. 3. Kn. 1.

LLDK IV 1980 — *Jokimaitienė P., Kazlauskienė B.* Istorinės-socialinės dainos / Lietuvių liaudies dainų katalogas. Vilnius, 1980. T. 4.

LTTeikas 1991 — Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / sast. un ievada autore A. Ancelāne. Rīgā, 1991.

TD IV 1938 — Vilniaus krašto lietuvių tautosaka / paruošė J. Balys // Tautosakos darbai. Kaunas, 1938. T. 4.

V sir. I 1982 — V sirom poli rokyta. Zv. 1: Slovenske ludove balady, romance a novelisticke piesne / uvod. S. Burlasova. Bratislava, 1982.

Summary. *The article analyzes some Slavic and Baltic ballad songs subjects with the metamorphosis motive (transformation of a human being into a tree or a bird). These subjects are based on the belief that only in a form of bird or a plant a protagonist can get into touch with the Otherworld. Only this transformation makes possible a contact between the dead and the living. One of the important conditions of ballad characters shape-shifting is some kind of breaking norms (somebody's curse or breach of prohibition).*

Key words: *archaic ballad, metamorphosis motif.*

ББК
УДК

Е. В. САМОЙЛОВА
(Санкт-Петербург)

**«КТО ЧТО ЗНАЕТ,
ТЕМ ХЛЕБ И ДОБЫВАЕТ».
РЕГУЛИРУЮЩИЕ НОРМЫ
В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ПРАКТИКАХ СЕВЕРНО-
РУССКОЙ ДЕРЕВНИ
конца XIX — начала XXI века¹**

Аннотация. *Внимание автора статьи сфокусировано на регламентации (правила, нормы, предписания) аграрных практик, преимущественно огородничества, с позиции сохранения и трансляции знаний в системе коллективной памяти и ритуального проектирования будущего. Рассматриваются способы передачи «знаний», принципы построения проективных моделей и маркировки огородных культур, соционормативная регуляция в практиках обмена и приобретения посадочного материала, гендерный аспект и др.*

Ключевые слова: *овощеводство, выращивание, хранение, обмен, регламентации, поведение.*

Урожай на хлеб для простолюдина — главное условие его благосостояния.

Потому-то не проведет он плугом первой борозды на ниве, не сожнет первого снопа без известного обряда или поверья.

Д. Г. Булгаковский

Выдвигаемая рабочая гипотеза основана на предположении об использовании в овощеводческих практиках знаковых систем их мифологических прототипов и о возможной корреляции этих практик с универсалиями, присущими архетипической модели мира

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (раздел 3. «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре»), проект 3.19 «Гендер, возраст и родство в контексте ритуала».

(представления о мире, их воспроизводство и трансляция посредством перекодировки знаковых систем). В исследованиях Т. В. Цивьян, А. К. Байбурина, С. М. Толстой рассматриваются связи, возникающие между различными элементами культуры в совокупности с семантическими средствами, и алгоритм внутренних регуляций, прослеживаемых на разных иерархических уровнях [Цивьян 1990, Байбурин 1993, Толстая 1997]. «Усвоение» традиционных моделей обеспечивает корпус правил, сформулированных в текстах предписаний и запретов, магических действий, поверий, примет. Правила, регламентирующие поведение человека, базируются на связях, образующихся между элементами в структуре традиционной модели мира, и основываются на эффекте «взаимовыводимости значений и сквозной метафоричности» [Байбурин 1993, 11]. Они «кодифицируют поведение человека <...> в контексте мироздания» [Цивьян 1990, 130] и благоприятствуют успешной хозяйственной деятельности [Добровольская 2005, 244].

Гибкость традиционных схем определяется их «пластичностью» и «вариационной потенцией» [Чистов 2005, 123], позволяющей приспосабливать практики прошлого к требованиям настоящего. Апелляция к прошлому — обращение к архиву памяти. К сходным выводам приходит и Р. Раппапорт. Американский антрополог проводит параллель между используемой группой моделью культуры и «памятью» компьютерной системы² [Rappaport 1984, 240].

Регулятором циркуляции информации этнической группы служит *система коллективной памяти*. В «рамках со-

² «<...> сигналы, касающиеся состояния переменных, получают из памяти, где они сравниваются с “эталонными” значениями или диапазонами значений. (Эти значения хотя и сохраняются в памяти, но могут и сами постоянно корректироваться в ответ на сигналы, полученные из других частей системы.) В ответ на расхождения между фактическими и эталонными значениями программы запускаются, чтобы, как правило, вернуть девиантную переменную к состоянию близких эталонных или референтных значений».

циальной памяти»³ размещаются проекции прошлого; их востребованность определяется потребительским спросом и зависит от гибкости адаптационных механизмов. Настоящее становится фильтром между прошлым и будущим.

Согласно существующим предписаниям, проведение ритуальных действий происходит в определенные дни — точки, закрепленные в годовом календарном цикле, рассмотрение которых невозможно вне конкретных ситуаций или вне локальных традиций [Толстая 1997, 67].

Несмотря на использование универсальных механизмов построения, комплекс норм, разрабатываемых в различных традициях, всегда ориентирован на собственную модель культуры и обладает рядом отличительных характеристик. Тем самым обосновывается принцип подбора аналитического материала.

В статье используются полевые материалы автора⁴, собранные на территории Русского Севера: в Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Ленинградской обл. и Республике Карелия, с 2005 по 2011 г., а также архивные материалы ФЭЦ им. А. М. Мехнецова и Областного научно-методического центра г. Вологды.

Временные границы работы определяются обращением к публикациям вековой давности, памятью информантов (описывающих события, в которых они не принимали участия, но знают о них по воспоминаниям старшего поколения), и фиксацией обрядов и хозяйственных практик конца XIX — начала XX в.

³ Термин французского социолога Мориса Хальбвакса, определяющего совокупность недавних воспоминаний и связанных с ними мыслей как рамку памяти [Хальбвакс 2007, 178].

⁴ Полевые материалы автора статьи хранятся в основном видеофонде Архива фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (далее АФЭЦ ОВФ) — в этом случае следует указание на фондовый номер, и в личном архиве автора — ПМА. Поскольку в этой статье из материалов личного архива используются только расшифровки видеозаписей, в комментариях к ним опускается указание на единицу хранения.

Прежде чем перейти к изложению материалов, коснемся вопросов работанности темы огородничества в трудах отечественных исследователей. Фундаментальная источниковая база создана благодаря деятельности собирателей и ученых, трудившихся на рубеже XIX и XX вв., — П. Ефименко, В. Добровольского, С. Максимова, И. Сахарова, Н. Сумцова, Д. Булгаковского, А. Богдановича, М. Максимовича, В. Милорадовича, Л. Падалки. Внимание авторов привлекали не только фольклорные тексты и ритуальные действия, направленные на повышение урожайности и защиту огородных культур, но также используемые регламентационные схемы. Еще один ресурс — многочисленные сборники заговоров, издаваемые в разное время и имеющие обширную географию. Остановимся лишь на двух, в которых тема раскрыта наиболее полно. В сборнике «Полесские заговоры (в записях 1970—1990-х гг.)» [Полесье 2003] наряду с текстами (от грызунов, птиц, червей) приводится научный комментарий Е. Е. Левкиевской, позволяющий соотнести текст с представлениями и практиками, фиксируемыми в этой локальной традиции. Филологами Московского университета по материалам экспедиций 1953—1993 гг., преимущественно в районы Русского Севера, подготовлен сборник «Русские заговоры и заклинания» [Заговоры 1998]. Тема огородничества отражена в разделе «домоводческие и хозяйственные заговоры». Наряду с текстами, способствующими плодородию и защите огородных культур от всевозможных вредителей, здесь представлены достаточно редкие заговоры, связанные с прогностическими практиками, которые совершались в Великий Четверг. Ценным информационным источником становятся публикации, содержащие свод предписаний, текстов, описаний праздников, приуроченных к той или иной дате и пр. Наиболее удобными оказываются построенные на материалах одной локальной традиции: полесской [Толстая 2005], вологодской [Череповецкий 1999, Устюженский 2004], нижегородской [Корепова 2009], Прикамья [Черных 2009] и др.

Что касается теоретических исследований, то в работах В. Я. Проппа и Д. К. Зеленина [Пропп 2000, Зеленин 1991] связь с огородничеством достаточно опосредованна, но приводимые этнографические описания могут быть использованы для сопоставительного анализа земледельческих практик — огородничество/полеводство — и обрядовых практик народного календаря. Среди этнографических исследований выделяются работы Т. Бернштам [Бернштам 1988] и М. Громыко [Громыко 1975]. В монографии М. В. Громыко рассматриваются сельскохозяйственные традиции населения Сибири, в т. ч. связанные с огородничеством. Анализируя публикации и архивные материалы конца XIX — начала XX в., связанные с овощеводством, автор обращает внимание на главенствующую роль женщины в этом виде хозяйственной деятельности. Ее причастность к «домашнему колдовству» объясняет концентрацию магических приемов, которые применяют для выращивания огородных культур. Не менее интересно наблюдение, касающееся освоения новых культур. Отмечается принцип преемственности, по которому на осваиваемые культуры переносили «традиционные магические приемы, сложившиеся в хозяйственных работах с другими культурами» [Там же, 134]. Т. А. Бернштам в монографии [Бернштам 1988] рассматривает земледелие как одну из женских обрядовых функций и выделяет следующие направления деятельности: обряды организации весны, соучастие в полевых обрядах мужчин, обряды посадки овощей («во многом напоминающие мужские при севе льна и конопли»), кормления земли, обряды стимуляции роста, уборка зерновых и огородных культур. Гендерный аспект сельскохозяйственных практик, по мнению исследователя, связан с мифоритуальными представлениями. Изоморфность женского тела и земли, символические ситуации брака, беременности и родов позволяют говорить о проекциях семейно-брачных отношений на ритуалы земледельческого календаря. Тема огородничества представлена в авторских статьях этнолингвистиче-

ского словаря «Славянские древности» («Овощи», «Репа», «Капуста», «Морковь», «Пугало», «Покойнишкие предметы» и др.). В монографии В. В. Усачевой рассматриваются вербальные ритуалы и их магическая функция в огородничестве и полеводстве [Усачева 2008]. В статьях Е. Левкиевской и Т. Агапкиной внимание фокусируется на значении звука в ритуальных действиях, в т. ч. и аграрной направленности [Левкиевская 1999; Агапкина 1999]. О. Терновская обращается к теме огородных пугал в Полесье [Терновская 1985].

Одной из наиболее интересных работ с точки зрения теоретического анализа и одной из немногих, основанных на материалах Русского Севера, стала статья А. Б. Мороза, в которой автор акцентирует внимание на системе кодов в огородничестве [Мороз 2000]. Исследователь обращает внимание на имитативный характер огородной магии, транслируемой через систему различных кодов (временной, телесный, животный, растительный, предметный, акциональный, вербальный), раскрывает механизмы взаимодействия культурных схем и регулятивных норм: «огороднические обряды не только основаны на тех же механизмах, что и множество других обрядов, но и зачастую приспособливают ритуальные запреты и предписания более общего характера к нуждам огородничества» [Там же, 131].

Статьи В. В. Гавришиной [Гавришина 2011] и А. С. Зайковой [Зайкова 2011] на тему праздников, связанных с огородничеством, построены на полярных материалах и рассматривают феномен праздника в традиционной модели культуры и в современных практиках. В. В. Гавришина исследует в контексте праздника огородниц в Витебской губ. «бабские розбрьки»⁵ (приуроченного к времени окончания посадок — «огородной запашки») формы ритуального поведения женщин, связанные с движением [Гавришина 2011, 120—121]. Она отмечает, что совершаемые действия были направлены на стимуляцию роста растений и «возвращению жизненных сил

⁵ Традиция празднования, по записям Н. Я. Никифоровского, сохранялась до конца XIX в.

огородницам» [Там же, 122]. А. С. Зайкова обращается к феноменологии современного ритуала. Предметом анализа становится «Праздник огурца» в Суздале. Автор пытается выявить связь современного ритуала с традиционными практиками: шествие с символом праздника интерпретируется как «встреча», «запуск огурца» в сопровождении «песни-гимна» — как «уход», проводы и т. д. Вызывают сомнения выводы: исследователь заключает, что современный ритуал «воспринял традицию» русских народных праздников [Зайкова 2011, 397]. Представленные материалы, скорее, пример «изобретенных традиций»⁶, которые в поисках легитимации новых практик обращаются к образам прошлого («огурец — одна из древних традиционных культур, распространенных на Суздальщине») [Там же, 394].

Анализ библиографии показывает различную степень научной разработки вопросов, связанных с изучением огородничества в южнорусской (полесской) и севернорусской традициях. Продолжают оставаться открытыми вопросы, например: в чем причины различной степени ритуализации, связанной с выращиванием тех или иных овощей? почему коды, связанные с одними культурами, сохраняются, а с другими — нет? каким образом отражаются проекции социальных отношений при разведении и выращивании овощей?

Традиционные модели аграрных практик: логики «мифологического программирования»

«Картошка да лук, в первую очередь»:
Определение приоритетов. А. Б. Мороз рассматривает огородничество как систему кодов и приходит к выводу, что она основывается на приемах народной магии и приспособливает систему верований и обрядов к конкретным нуждам таким образом, что «многозначные по своей природе элементы этих кодов приобретают более конкретную семантику в зависимости от конкретных нужд и контекста» [Мороз 2000, 141]. Как видим, автор обращает внимание

⁶ Термин британского историка Э. Хобсбаума [Hobsbawm 2003].

на то, что специфика использования кодов может быть раскрыта при изучении аграрных практик в локальной традиции. Дифференцированный подход в организации огороднических практик прослеживается и в полевых материалах, собранных в различных регионах Русского Севера. При посадке и выращивании одних культур используют магические средства, знания о них передаются из поколения в поколение, а при посадке других хозяйки ограничиваются применением определенных аграрных техник. Какими принципами они руководствуются? Чтобы понять логику «мифологического программирования»⁷ в овощеводстве, обратимся к полевым записям, сделанным в 2009—2010 гг. в Нюксенском р-не Вологодской обл.

Большинство жителей Уфтюгского сельского поселения — люди пенсионного возраста. Практически единственным источником доходов служит работа в немногочисленных сохранившихся социальных институтах (школа, детский сад, почта, медпункт, Центр традиционной культуры) и в сфере торговли. Нарушены животноводческие комплексы, заготовка кормов для содержания животных в личном хозяйстве достаточно проблематична (корова в деревне — редкость). Потребительский спрос на мясную и молочную продукцию обеспечивается торговыми поставками. В такой ситуации огородничество становится существенным подспорьем, а иногда и основным ресурсом в системе материального жизнеобеспечения. Среди основных огородных культур, обеспечивающих основной пищевой рацион жителей на протяжении года, — картофель, капуста, лук, чеснок: «Картошка да лук, в первую очередь <...> бабушка-та Поля — свеж кровь-то моя. <...> Луку насадит, всё, чтоб это главное было — наросло, а уж потом остальное. Сколько места на это останице» (Зап. от жен., около 50 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. Выращивают зелень, делают посадки моркови, огурцов, помидоров, которые употребляются в основном се-

зонно (заготовки незначительны) и служат различными добавками к традиционным блюдам: щи, каша из покупных круп. Традиционные для крестьянского хозяйства брюква и репа вытесняются из современных практик: «Вот это только наше-то и было: брюква да репа», — вспоминала девяностолетняя жительница д. Кокшенская (Соб. Е. В. Самойлова) [АФЭЦ, ОВФ 1715].

Итак, в числе приоритетных овощеводческих культур можно выделить картофель, капусту, лук, чеснок. Чтобы определить принципы кодирования, используемые в отношении этих культур в местной традиции, перейдем к рассмотрению примеров ритуализации практик огородничества.

«Он (лук) такой требовательный...». Наиболее благоприятные условия складываются для выращивания картофеля и капусты. Лук оказывается более прихотливым, и не каждой хозяйке удастся получить хороший урожай: «Особо (относисься. — Е. С.) к луку, чтобы он нарос. Он такой требовательный, видимо, или чего ли». Нередко неурожай лука объясняют теми же причинами, что и болезни, — порчей, «уроками» и «призорами»: «Вот был у меня лук хороший тот год. До чего хороший лук был. Н (ты знаешь ее — умерла-то...) пришла в огородец. Чё?! “Ой, какой у тебя лук-от хорошей, трава-от какая!”. Вдруг назавтре вся трава разлеглась. Дак не надо никого в огородец-от пускать. Вот, этот дак факт у меня произошел. <...> “Какая у тебя хорошая трава. Как стоит-то!” — вот, это уроки-ти и есть» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Кокшенская. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. В цитируемом тексте содержится одно из предписаний: «не надо никого в огородец-от пускать». Аналогичных правил придерживаются при посадке растений. «Надо садить, чтобы никто не видел», «народ не станет ходить, дак стану садить», — поясняют женщины. Абстрактные представления могли конкретизироваться. В таких случаях возможность негативного воздействия на вегетативный рост овощей могла приписываться конкретному человеку. «И чё-то знал ли, не знал ли, и как К. пройдет, дак лук не наростёт. Он говорит, что вы меня опасае-

⁷ Термин предложен Т. В. Цивьян [Цивьян 1990, 109—111].

тешь, а я не думаю. Все равно боялись его. Он сам сказал: “Если вам надо садить — не кажитесь мне”» (Там же).

Сходные примеры можно привести по записям, сделанным в Новгородской обл.: «У С. прекрасно рос лук, и соседка <...> все время завидовала: “Ой, какой у тебя лук растет!”». Осенью она этого лука попросила на рассаду, и лук “ушел” — на следующий год не вырос, родился, но другого качества. <...> Грушу попросила, и в этот же год груша у меня заболела» (Зап. от жен., около 70 лет, Новгородский р-н, пос. Бронница. Соб. Т. Кудрявцева. 2011 г.) [ПМА].

Представленные материалы показывают, что основные трудности связаны с выращиванием лука, в связи с чем при посадке ему уделяется особое внимание. Традиция сохраняет формульные тексты магической направленности, используемые с целью сохранения и защиты растений. Подход к выращиванию лука очень похож на тот, который приходится наблюдать в отношении к слабому, больному ребенку. Его окружают особой заботой, совершают магические действия, которые должны уберечь от «уроков», «призоров», «лихих наговоров», т. е. наблюдается концентрация апотропеических средств в практиках разведения «проблемной» культуры.

Для защиты растений от возможного вредоносного воздействия в мире живых используются вербальные и невербальные тексты: транслируемые по каналам памяти и заимствованные извне (основной источник — трудовые миграции населения).

«**Кому отдашь лук, дак так и выведут!**»: Концепт доли в локальной традиции. В рассказах, которые объясняют ситуации, связанные с «уводом» споры с домашнего огорода, наиболее часто описывают случаи нарушений, произошедшие в результате продажи или дарения рассады: «А говорят, кому отдашь лук, дак так и выведут!» (Зап. от жен., 1938 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. «Говорят, что есть такая примета: если чего-то отдаешь — ну, всё отдаешь. Когда так отдаешь, у тебя ничего не начинает так расти» (Зап. от жен., около 40 лет. Ленинградская обл., Бокситогорский р-н,

д. Усадище. 2009 г.) [ПМА]. Среди апотропеических средств упреждающего характера — оставление последней луковицы, картофелины и пр. Средство основано на представлении о том, что спора содержится в первой или последней части от рассматриваемого целого: «Мама ей высылёт (женщине, которая просит лук. — Е. С.) и потом обратно ещё три луковицы у её возьмёт» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]⁸. Г. И. Кабакова рассматривает споры как концепт, соответствующий доле человека [Кабакова 2001, 72]. Соответственно «увод» споры равносильно отбиранию доли.

В случаях, когда превентивные меры оказались недостаточными и разведение какой-либо культуры не удастся, обращаются к приемам, основанным на представлениях о символическом перераспределении доли. Одно из предписаний — не приобретать самостоятельно семена или рассаду, а просить у деревенских жителей: «Стали жить, дак никак лук не рос. Потом мне, много старух было, дак и говорят: “А ты не покупай нигде луку. Наложь фартук и иди с фартуком. Наподаём мы тебе луку-то!” С тех пор и стал лук расти» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. В подобных обходах могли участвовать как женщины, так и мужчины: «Кто розвести вообще не может, у кого, может, съедят, дак нечем садить, дак многи ходили. <...> Собирают даже мужчины» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

«**Дума все съедает**»: Приемы блокирования страха. Стараются совершать посадку в темное время суток, опасаясь не только чужого взгляда, слова, но и

⁸ В Бокситогорском р-не Ленинградской обл.: «чтобы не отдать свои семена или это что-то, или чтоб у ней росло... она все равно, как-то украдкой оставит хоть лучину, хоть картошину» (Зап. от жен., около 40 лет, д. Усадище. 2009 г.) [ПМА]. Ср. с продажей домашней птицы или животных: хозяйка старается незаметно выдернуть из крыла птицы перышко или клочок шерсти от скотинки, чтобы не отдать свое «счастье» (долю) (Зап. от жен., около 40 лет. Удмуртская Республика, Малопургинский р-н, д. Иваново-Самарское. 2011 г.) [ПМА].

собственной мысли: «*Может, кто чё подумает, может, ты одумаешь чем. Самое главное — одумаеся. <...> Подумаешь, а дума все съедаёт: “Может, он мне чё-то плохое сделал...”*». <...> Ты и подумаешь это всё. А уж никто не видит, дак сади, и не подумаешь ничего» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

От своей и чужой думы могут использоваться средства, заимствованные из практик, освоенных во время проживания в других региональных зонах (трудовые миграции, гощение у родственников и прочие жизненные ситуации): «*Когда садишь (нужно. — Е. С.), чтобы этот ножик был воткнутый в дерьмо, чтобы никакие колдовства не пристали. Или ножницы или нож. Если ножницы, чтобы перестригнуть свою мысль, а если нож, чтобы перерезать. Свои мысли дурные перерезаю. А если без ножа посадишь, мне кажется, все равно, кто-то увидал и сглазил. Если неурожай, может, и так неурожай, а я все равно на кого-то думаю. А как воткну, дак ничего не думаю — все равно никто не сглазит*» (Зап. от жен., около 90 лет, д. Кокшенская. Соб. Е. В. Самойлова. 2010 г.) [АФЭЦ, ОВФ 1715]. Таким образом, происходило перекодирование страха [Щепанская 2003, 426]. Используя магические приемы, огородники демонстрировали силу, преодолевая собственный страх.

Система локальной памяти сохраняет тексты, используемые в тех же целях: «*Расти, лучок, не бойся не уроков, не призоров, не лихих отговоров. Рости на здоровё. Злым, лихим людям на завидость*» (Зап. от жен., 1938 г. р. Вологодская обл., Нюксенский р-н. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. Используемая формула сходна с лечебными заговорами от сглаза.

В ритуализованных практиках огородничества проявляются принципы перекодирования действительности, характерные для ритуальной культуры в целом. Происходит изменение восприятия обыденного: пространство, предметный мир и совершаемые действия приобретают сакральный статус и магическую силу. Вербальные компоненты: текст, звук, а в локальной традиции и мысль — становятся отличными от значений, придаваемых в

повседневности [Левкиевская 1999, 51]. Язык на всех его уровнях, звук, мысль могут приобретать особые ритуальные функции и «наделаться особыми культурными смыслами» [Толстая 1999, 12]. Рассмотренные примеры позволяют определить направленность апотропеических средств (магических предметов, заговорных формул, соблюдения предписаний относительно места и времени посадки и пр.), используемых при посадке растений. Посадка происходит в те временные периоды суток, когда окружающее пространство безлюдно, с тем чтобы избежать возможного негативного воздействия не только чужой, но и собственной мысли.

Приемы продуцирующей магии. В Шекснинском р-не Вологодской обл. и Бокситогорском р-не Ленинградской обл. старались наделить лук магической «силой», способствующей стимуляции роста: «*Пойду в луга, где лук растет, возьму всю силу на свою грядку. Моему слову быть, а луку не гнить*» (Зап. от жен., 1922 г. р., Вологодская обл., Шекснинский р-н, д. Артемьево. 2005 г.; жен., около 80 лет, Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Усадище. 2009 г.) [ПМА].

При посадке других овощных культур обращаются к формульным текстам, сходным с теми, которые использовались в полеводстве, например: «*Уроди, Боже, и на чужую долю!*» (см.: [Зеленин 1991, 57]): «*Господи, благослови. Рости, картошечка, на голодного да на аушного (алчного, нищего. — Е. С.), да на злых людей. <...> Огурцо это дак тоже скажут*» (Зап. от жен., 1938 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. Большинство информантов перед началом посадок осеняют себя, землю, рассаду крестным знаменем: «*А так, доходишь до конца — перекрести, да (крестит слева направо. — Е. С.). Так, доходишь до крайчика, дак перекрестила, да: “Слава тебе, Господи, рости на полную грядку”*» (Зап. от жен., около 50 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

Апотропеические меры. Посадка в ночное время рассматривается и как одна из мер, предохраняющих огород от птицы: «*Надо обязательно садить лук вечером, чтобы курицы были на седло,*

чтобы курицы не видели, как лук посажен. “Вот, Поля, будешь без меня (наказывала мать. — Е. С.) — дак первую ту луковицу сади так, чтобы ты сама не видела куда. Закрой глаза, куда воткнешь, там и будет. Чтобы курицы не видели луку. Чтобы не выпорхали куры, чтобы луку не видели. Как я луку не вижу, так бы и курицы мои луку не видели, где он сидит”» (Зап. от жен., около 90 лет, д. Кокшенская. Соб. Е. В. Самойлова. 2010 г.)⁹ [АФЭЦ, ОВФ 1715]. Во время созревания овощей и ягод, плодоношения кустарников рядом на огородах устанавливают пугала — антропоморфные фигуры с надетой на каркас в виде крестовины старой одеждой.

В традиционных представлениях выращивание огородных культур связывается с личностными качествами огородника. В местной традиции проекция этих связей прочитывается в практиках выращивания «проблемной» культуры — лука: «<...> на кого растёт, на кого и не растёт. Говорят, человек бывает, может, как и злой — на него и лук растёт. А который человек добрый, на него, говорят, и лук не растёт. Он ухаживает, ухаживает, и лук на него не растёт» (Зап. от жен., около 50 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

Социальные проекции в огородничестве. Нарушение коммуникативных норм может рассматриваться в качестве одной из причин неудачного разведения овощей, например как результат конфликтных ситуаций между соседями: «Некоторые утром, садят вечером. Серафимиха — они с Кудреваткой — одна на одну, одна на одну. Одна одну опасаяце» (Зап. от жен., 1938 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. Конфликтность может прочитываться как одна из граней чужести, отчуждения, т. е. в характеристиках, которые в традиционной культуре нередко приписывались колдуну или знахарю [Щепанская 2003, 398].

Хозяйские огороды нередко становились предметом интереса подростков и молодежи. Сложно сказать, что доставляло больше удовольствия — возмож-

⁹ Ср.: «Сеятель завязывает себе глаза <...> — “Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян”» [Зеленин 1991, 58].

ность полакомиться прихваченными на соседской грядке огурцами, репой или захватывал сам процесс этой «добычи»: «Вот когда ребята только маленькие подрастают, им интересно, у кого есть репа. К тому не лезут, кто не ругается. А старички такие были, недружелюбные для детей. “Вы опять пришли репу воровать?”. Им (детям. — Е. С.) интересно, побежали!» (Зап. от жен., около 90 лет, д. Кокшенская. Соб. Е. В. Самойлова. 2010 г.) [АФЭЦ, ОВФ 1715]. В случаях, когда взрослые проявляли тактичность, интерес «к добыче» заметно ослабевал: «Уже большие ребята захотели брюквы, репы. Добежали. Вот и слышно, трещит эта репа. <...> А мама тогда окно открыла и говорит: “Ребят, всю-то репу не вытаскивайте, оставьте мне”. Больше ни разу не залезли, никогда» (Там же). Завершая рассказ, женщина добавила, что на следующий день мать, увидев ребят, поинтересовалась, кто вчера побывал на ее огороде. Ребята только засмеялись в ответ, но пообещали, что больше не пожалуют: «Смеются: “Тетушка, больше никогда не полезем к вам в огород. — А чего? — Потому что Вы нас не поругали”. А вот кто поругал бы, к тому еще раз залезали. Вот такие были ребята» (Там же).

В д. Пожарище ребята старались изловчиться и добыть заветный овощ, не показываясь на огородной грядке. Для этих целей приспособивали длинную палку, в конец которой вбивали гвоздь. Палкой старались дотянуться до огурца: «Они через огород палкой туды — раз! Гвоздём огурец съели!» (Зап. от жен., около 70 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

Огород рассматривался подростками как одна из площадок для демонстрации взаимоотношений с взрослыми и со сверстниками. В брачных играх молодежи овощи (в силу доступности) использовались парнями как средство для выражения симпатий противоположному полу, а «добывание» плодов — для проявления маскулинности: «Тогда дружила с Васькой Николая Ивановича — с Кокшенской. Ну и чё? Идем вечером. Был колхозной огород внизу там. Дошли. “Постой, сейчас сбегаю, огурец нарву (заметив, что соседские парни побежали на огород, он решил подшутить. —

Е. С.). <...> Ну, говорит: “Счас спугну”. Васька-то прибежал до огорода. Коля ломает, на их заматюкавсе. Они думали, Всеволод (сторож. — Е. С.) бежит, они побежали, да за реку, да в полё. <...> А мы умираём, да хохочём с им — с Васькой, эдак! Они подумали, что сторож — воруют колхозни огурци. Васька в карманах притащил огурцов» (Зап. от жен., около 70 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

Огородничество, как и другие традиционные практики севернорусской деревни, может восприниматься как некоторая плоскость, на которой могут отражаться различные аспекты социальных проекций. В зависимости от восприятия социальных отношений: брачных, соседских, родственных, отношений со «знающими» — происходит оценка их возможного влияния на вегетатику овощных культур. Полярные значения на оценочной шкале определяются оппозицией позитивный/негативный. Пояснения информантов относительно неудач с разведением той или иной культуры на огороде связываются с взаимоотношениями между деревенскими жителями: с завистливой соседкой («соседка <...> все время завидовала»), мужчиной, которого сторонятся, считая, что он может сглазить («как К. пройдет, дак лук не наростёт») и др. Страх передачи посадочного материала кому-либо из жителей может быть мотивирован недоверием к другому, неуверенностью в его благорасположении к себе: «кому отдашь лук, дак так и выведут». Сложившиеся представления о возможном влиянии человека (в контексте его взаимоотношений с окружающими) на рост и продуцирующую силу растений определяют закрепляющиеся в местной традиции предписания, направленные на предотвращение нежелательного воздействия.

«На картошку никто не обзарится»: Живые — мертвые. У жителей Нюксенского р-на сохраняются представления о том, что влиять на выращивание огородных культур могут не только живые, но и умершие. Считается, что после смерти «увести» скотину или урожай может «большая голова» — старший в семье: «Это вот у нас умерла одна бабушка в апреле месяце. И вот летом

все заметили, что картошка у них на полосе совсем не уродила, а рядом полосы — везде очень хороший был урожай: у соседей справа и слева. И другие стали говорить, что вот бабушка эта как была самая старшая в доме — хозяйка — мол, большая голова увела урожай. Поэтому и не уродилось» (Зап. от жен., около 40 лет, д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]¹⁰.

Как видим, индикатором в данном случае становится картофель («благополучная» культура), который обычно не требует дополнительного ухода: «На картошку никто не обзарится. У всех нарастает нынче, дак слава Богу» (Зап. от жен., 1933 г.р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА]. Интересной оказывается логика построения причинно-следственных связей в связи с поиском возможных причин и объяснений неурожая картофеля у одного из жителей. Живые из числа возможных виновников исключаются, поскольку «у всех нарастает нынче», а в этом случае «на картошку никто не обзарится». Остается мир иной и его представители. В данном случае происходит перекодирование. Совершается перенос представлений, связанных с предписываемой умершим способностью «увести» скот, на практику овощеводства. Чтобы избежать подобных ситуаций, предпринимаются апотропеические меры, предохраняющие живых от нежелательного воздействия умерших: исполнение церковных треб, поминовение в установленные дни, соблюдение заветов покойных и пр.

Таким образом, в практиках овощеводства, фиксируемых в Нюксенском р-не Вологодской обл., находят отражение представления о доле (спора), магической силе, воздействии слова и мысли, личных качеств человека (доброта, злоба) на вегетатику растений. В традиции сохраняются способы разведения огородных культур, значимых для системы материального жизнеобеспечения. Предписания, регламентирующие использование при-

¹⁰ Ср. то же в отношении живых: «Бабушка у меня не по одной гряде чеснок садила. Мы до того дожили — у меня весь чеснок увёден!» (Зап. от жен., 1933 г. р., д. Пожарище. Соб. О. Коншина. 2010 г.) [ПМА].

емов имитативной магии, ориентированы на социальные отношения внутри сообщества. Женщины руководствуются представлениями о возможном влиянии того или иного человека на рост и урожайность овощей. Огород может рассматриваться и как индикатор отношений между миром живых и миром мертвых. Система организации аграрных практик в локальной модели культуры ориентирована на регуляцию взаимоотношений человека с окружающим его пространством (человек/природа, человек/человек, мир живых / мир мертвых). Представления, регламентирующие деятельность огородниц, основываются на мифологических прототипах. Универсальность системы кодов подтверждается их использованием в различных практиках (например, сходство апотропеических средств и других магических приемов, применяемых к человеку и растениям). Можно сказать, что огородничество, несмотря на периферийность своих позиций в аграрных практиках севернорусских деревень (вплоть до начала XX в.), органично вошло в традиционную модель мира и успешно коррелирует с другими компонентами этой системы.

Литература

- Агапкина 1999 — *Агапкина Т. А.* Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // *Мир звучащий и молчаливый. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* М., 1999. С. 17—50.
- Агапкина 2001 — *Агапкина Т. А.* Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики). *Хлеб* // *Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы.* М., 2001. С. 337—354.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Бернштам 1988 — *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Богданович 1877 — *Богданович А. В.* Сборник сведений Полтавской губернии. Полтава, 1877.
- Булгаковский 1890 — *Булгаковский Д. Г.* Пинчуки. Этнографический сборник: песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь / Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1890. Т. XIII. Вып. 3.
- Виноградова 2005 — *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // *Заговорный текст: генезис и структура.* М., 2005. С. 425—440.
- Воропай 2007 — *Воропай О.* Звичапнашого народу: Етнографічний нарис. Харків, 2007.
- Гавришина 2011 — *Гавришина В. В.* О празднике огородниц в Витебской губернии // *Праздники и обряды как феномен этнической культуры: Мат. Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений.* СПб., 2011. С. 119—122.
- Громыко 1975 — *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.
- Добровольская 2005 — *Добровольская В. Е.* Магические запреты и предписания в сфере регулярной трудовой деятельности сельского населения Северной и Центральной России // *Palaeoslavica. Vol. 13. № 1.* 2005. Cambridge, Massachusetts. С. 243—259.
- Заговоры 1998 — *Русские заговоры и заклинания: Мат. фольклорных экспедиций 1953—1993 гг.* / ред. В. П. Аникин. М., 1998.
- Зайкова 2011 — *Зайкова А. С.* Праздник огурца в Суздале и традиционные праздники русской народной культуры // *Праздники и обряды как феномен этнической культуры: Мат. Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений.* СПб., 2011. С. 393—397.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Полесская народная антропология: Женский текст // *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы.* М., 2001. С. 50—78.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Голос и звук в славянской апотропеической магии // *Мир звучащий и молчаливый. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* М., 1999. С. 51—73.
- Максимович 2002 — *Максимович М.* Дні та місяці українського селянина. Київ, 2002.
- Милорадович 1991 — *Милорадович В. П.* Життя-буття лубенського крестянина // *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія.* Київ, 1991.
- Мороз 2000 — *Мороз А. Б.* Народное огородничество у славян как система кодов // *Кодови славянских культур: Земледелие.* № 5. Београд, 2000. С. 131—141.
- Полесье 2003 — *Полесские заговоры (в записях 1970—1990-х гг.)* / сост., подгот. текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М., 2003.

Терновская 1985 — Терновская О. А. Несколько слов в связи с огородными пугалами в Полесье // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Тез. докл. и сообщ. III Республиканской конф. Гомель, 1985. Ч. II. С. 145–147.

Толстая 1997 — Толстая С. М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 62–79.

Толстая 1999 — Толстая С. М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 9–17.

Толстая 2005 — Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Усачева 2008 — Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Устюженский 2004 — Календарные обряды и фольклор Устюженского района / сост.: Кулев А. В., Кулева С. Р. Вологда, 2004.

Хальбвакс 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Цивьян 1990 — Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Череповецкий 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 г.: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / сост.: Кулев А. В., Балакшина С. Р. Вологда, 2000.

Черных 2009 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Пермь, 2009.

Чистов 2005 — Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.

Щепанская 2003 — Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Rappaport 1984 — Rappaport Roy A. Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. Binghamton, New York, 1984.

Hobsbawm 2003 — Hobsbawm E. The invention of tradition / eds. Hobsbawm E., Renger T. Cambridge, 2003.

Summary. *The author's attention is focused on the ways of regulation (rules, regulations, guidelines) for agricultural practices, predominantly olericulture, from the standpoint of preservation and transmission of knowledge in the collective memory and ritual designing the future. Ways of "knowledge" transmission, principles of projective patterns creation and marking of vegetables, the norms and rules for regulating in exchanges and acquisitions of planting material, and gender role are being examined.*

Key words: *olericulture, growing, keeping, exchange, regulations, patterns of behaviour.*

УДК398.3

ББК 63.5

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

«ПЧЁЛ ВОДИТЬ — НЕ РАЗИНЯ РОТ ХОДИТЬ»: ЗАПРЕТЫ И ПОВЕРЬЯ ПЧЕЛОВОДОВ

Аннотация. *Статья посвящена такой закрытой сфере деятельности, как пчеловодство. В народной традиции пчеловодство хотя и считается богоугодным делом, но, как и любое специальное знание, связано с магией. Двойственность образа пасечника подкрепляется, с одной стороны, его связью с пчелами, чистыми, божьими тварями, с другой — необходимостью обладать целым рядом магических знаний. Христианский компонент здесь становится равным магическому, христианские и демонологические покровители действуют на равноправных началах.*

Ключевые слова: *поверья, пчеловодство, пасечник, запреты и предписания, христианские и демонологические персонажи-покровители.*

Когда речь заходит о пчеловодстве в России, то обычно о нем говорят как об исконном русском занятии, которое наряду с целым рядом мужских специализированных работ (кузнец, плотник, мельник, валяльщик валенок, гончар и т. п.) относится к сфере сакрального, а пасечник входит в круг деревенских профессионалов. Между тем это не совсем так.

Безусловно, до XVIII в. мед и воск служили предметами как внутренней торговли, так и экспорта. Однако Петр I попытался произвести учет бортей в казенных лесах, что привело к резкому сокращению производства меда на всей территории России и, несмотря на то что Екатерина II отменила в 1775 г. все подати на пчеловодство и сделала эту отрасль хозяйства совершенно свободной, производство меда не восстановилось. Появление в активном употреблении сахара нанесло новый удар по пчеловодству. В конце XIX в., как пи-